
ИСТОРИЯ ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ЛИТЕРАТУРА XIX в.

Русская литература

УДК: 821.161.1

DOI: 10.31249/lit/2026.02.06

РОГОВ М.А.¹ «РИГОЛЕТТО» Дж. ВЕРДИ И «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО: ГИПОТЕЗА О ВОЗМОЖНОМ ИСТОЧНИКЕ ЗАГЛАВИЯ РОМАНА[©]

Аннотация. Исследование посвящено анализу возможного влияния оперы Джузеппе Верди «Риголетто» (1851) на возникновение названия романа Федора Михайловича Достоевского «Преступление и наказание» (1866). В центре внимания находится знаменитая реплика из либретто Франческо Мариа Пьяве “Lui è il delitto, io la punizione” («Он – преступление, я – наказание»), восходящего к лежащему в основе оперы сюжету пьесы Виктора Гюго «Король забавляется» (1832). Научная стратегия на основе учета интермедialности (взаимодействия различных искусств) позволила обосновать новый подход для более глубокого понимания сложного процесса формирования заглавия романа. Посредством анализа типологического сходства между пьесой Гюго, оперой Верди и романом Достоевского, а также исторических свидетельств о популярности оперы в России 1860-х годов и личного отношения писателя к оперной музыке в период написания романа демонстрируется высокая вероятность прямого или косвенного влияния либретто и музыкального образа «Риголетто» на

¹ **Рогов Михаил Анатольевич** – кандидат искусствоведения, кандидат экономических наук, доцент, научный руководитель Центра иконографических и визуальных исследований (CIVIS) Фонда «Новое искусствознание», доцент Государственного университета «Дубна»; ORCID: 0000-0001-7573-3370; rogovm@hotmail.com

© Рогов М.А., 2026

**«Риголетто» Дж. Верди и «Преступление и наказание»
Ф.М. Достоевского: гипотеза о возможном источнике заглавия романа**

формирование названия романа «Преступление и наказание». Ключевое значение придаётся воспоминанию жены писателя Анны Григорьевны Достоевской о событиях ноября 1866 г., которое прямо свидетельствует о глубоком знакомстве Достоевского с этой оперой Верди и его эмоциональной привязанности к её мелодиям.

Ключевые слова: Достоевский; Верди; Гюго; «Преступление и наказание»; «Риголетто»; «Король забавляется»; интермедialность.

Для цитирования: Рогов М.А. «Риголетто» Дж. Верди и «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского: гипотеза о возможном источнике заглавия романа // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. – 2026. – № 2. – С. 94–101. DOI: 10.31249/lit/2026.02.06

Поступила: 04.11.2025

Принята к печати: 03.03.2026

ROGOV M.A.¹ Verdi's *Rigoletto* and Dostoevsky's *Crime and Punishment*: a hypothesis on the libretto and music as literary sources for the novel's title[©]

Abstract. The study examines the possible influence of Giuseppe Verdi's opera *Rigoletto* (1851) on the origin of the title of Fyodor Dostoevsky's novel *Crime and Punishment* (1866). The focus is on the famous line from Francesco Maria Piave's libretto "Lui è il delitto, io la punizione" ("He is the crime, I am the punishment"), which traces back to Victor Hugo's play *Le roi s'amuse* (1832), which served as the source of the opera. Employing a research strategy based on an intermedial approach, the study substantiates a new hypothesis regarding the origin of the novel's title. Through analysis of the typological parallels between Hugo's play, Verdi's opera, and Dostoevsky's novel, as well as historical evidence of the opera's popularity in Russia during the 1860s and the writer's personal engagement with operatic music during the period of the novel's composition, this study demonstrates a high probability of direct or indirect influence of *Rigoletto*'s libretto and musical imagery on the formation of the title of *Crime and Punishment*. Particular significance is attributed to the memoirs of the writer's wife,

¹ **Rogov Mikhail Anatolyevich** – PhD in Art History, PhD in Economics, Associate Professor, Scientific Director of the Center for Iconographic and Visual Studies (CIVIS) of the New Art Studies Foundation, Associate Professor at Dubna State University; ORCID: 0000-0001-7573-3370; rogovm@hotmail.com

© Rogov M.A., 2026

Anna Dostoevskaya, recounting the events of November 1866, which directly attest to Dostoevsky's profound familiarity with Verdi's opera and his emotional attachment to its melodies.

Keywords: Dostoevsky; Verdi; Hugo; *Crime and Punishment*; *Rigoletto*; *Le roi s'amuse*; intermediality.

To cite this article: Rogov, Mikhail A. "Verdi's Rigoletto and Dostoevsky's Crime and Punishment: a hypothesis on the libretto and music as literary sources for the novel's title", Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies, no. 2, 2026, pp. 94–101. DOI: 10.31249/lit/2026.02.06 (In Russian)

Received: 04.11.2025

Accepted: 03.03.2026

Вопрос об истории возникновения названия романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» является существенным для этого важнейшего произведения мировой литературы и пока остается открытым. В июне 1865 г. Достоевский впервые предлагает название «Пьяненькие» для романа о семье Мармеладовых [Достоевский, 2019, с. 309]. В сентябре того же года в письме из Висбадена писатель предлагает редактору журнала «Русский вестник» Михаилу Каткову новое произведение, описывая его как «психологический отчет одного преступления» [Достоевский, 2019, с. 310]. В середине октября в черновиках романа появляется заглавие «Исповедь» [Достоевский, 2019, с. 92], затем «Под судом» [Достоевский, 2019, с. 96] и «Рассказ преступника» [Достоевский, 2019, с. 144]. В ноябре Достоевский сжёг первый черновик и начал переписывать роман. В этот период, видимо, окончательно сформировалось название «Преступление и наказание», под которым роман начинает публиковаться в январе 1866 г., однако прямые свидетельства о том, как родилось окончательное заглавие, отсутствуют в письмах, дневниках или высказываниях писателя. В 1935 г. Л.П. Гроссман отметил [Гроссман, 1935, с. 21], что заглавие романа Достоевского отсылает не только к названию знаменитого трактата Чезаре Беккариа «О преступлениях и наказаниях» (*Dei delitti e delle pene*, 1764), но и к журналу «Время», где в 1863 г. среди других материалов появилась статья В.П. Попова «Преступления и наказания (эскизы из истории уголовного права)» [Достоевский, 2019, с. 334]. В настоящей работе предлагается новая версия о литературных источниках заглавия романа – либретто оперы Джузеппе Верди «Риголетто» (1851), созданном

Франческо Мариа Пьяве по пьесе Виктора Гюго «Король забавляется» (1832) [Verdi, Piave, 2005].

Между пьесой Гюго, оперой Верди и романом Достоевского есть определенное типологическое сходство: в центре каждого из этих произведений контраст трагических переживаний униженного главного героя, ставящего себя выше закона и считающего себя имеющим право причинить смерть обидчику, и нравственной чистоты и самоотверженной любви юной обесчещенной женщины. В романе доведенный до отчаяния нищетою студент Родион Раскольников думает, что обладает правом на убийство, и его образ контрастирует с образом молодой проститутки Сонечки Мармеладовой, воплощающей идеал самоотверженности в любви, следующей за убийцей на каторгу. На сцене (в пьесе Гюго / опере Верди) униженный придворный шут (Трибуле / Риголетто) идет на организацию убийства, видя себя орудием справедливого отмщения за поруганную честь своей юной дочери (Бланш / Джильды), которая, в отличие от него, самоотверженно жертвует собственной жизнью ради обесчестившего ее возлюбленного (короля / герцога).

Раскольников обосновывает свое решение пойти на убийство и ограбление постановкой ключевого вопроса *«тварь ли я дрожащая или право имею...»* [Достоевский, 2016, с. 362]. Заказчик убийства (Трибуле / Риголетто) отождествляет себя с абстрактной идеей наказания буквально, отвечая наемному убийце на вопрос о том, как зовут их предполагаемую жертву:

Triboulet

Son nom ? Veux-tu savoir le mien également ?

Il s'appelle le crime, et moi le châtiment ! [Hugo, 1836, p. 170]¹

Вольфганг Оsthoff отмечал, что соответствующая реплика Риголетто: «Vuoi sapere anche il mio? Egli è Delitto, Punizion son io», – это дегуманизированная до абстракции аллегория, которая сопровождается музыкой зловещей жесткости, выраженной в уникальном для этой оперы предписании Верди: «Этот речитатив должен быть спет без обычных длинных форшлагов» («Questo Recitativo dovrà essere detto senza le solite appoggiature»), – предназначенном для того, чтобы подчеркнуть нечеловеческую атмосферу этого эпизода, лишив его интонаций человеческой речи [Osthoff, 1973, p. 1279–1280]. Похожая абстракция встречается в

¹ «Его имя? Хочешь узнать и моё?

Он зовётся Преступление, а я – Наказание!»

первой сцене второго акта оратории Георга Генделя «Саул» (1738), в которой хор взывает к Зависти:

Most thyself thou dost torment,
At once the crime and punishment! [Handel, Jennens, 1738, p. 9]¹

Достоевский хорошо знал и высоко ценил творчество Виктора Гюго. Как известно, в предисловии к переводу романа Гюго «Собор Парижской богородицы», напечатанному во «Времени» в 1862 г., Достоевский определил как его основную идею оправдание униженных и всеми отринутых парий общества, а главных героев «Преступления и наказания» он прямо называет в подготовительных материалах «париями общества» [Достоевский, 2019, с. 330]. Обсуждая творческие принципы Достоевского в 1982 г., Р.Г. Назиров отмечал, что «болевой эффект Достоевского родствен романтической гиперболизации страдания (например, в драме Гюго “Король забавляется”»» [Назиров, 1982, с. 111]. Хотя русский писатель мог быть знаком с этой многократно переизданной драмой Гюго, ее постановки после первого спектакля были долгое время запрещены, а сюжет был широко известен прежде всего благодаря знаменитой опере Джузеппе Верди. Аналогичный пример драматургического произведения, в котором Достоевский черпал вдохновение для «Легенды о Великом инквизиторе» (1879), как и Верди для оперы «Дон Карлос» (1867), – одноимённая драма Фридриха Шиллера (1787), переведенная на русский язык старшим братом писателя М.М. Достоевским (1848).

Опера «Риголетто» Джузеппе Верди была поставлена в Венеции в 1851 г. и быстро завоевала популярность по всей Европе. Ее ставили в 1852 г. в Вене, затем в Пеште, Праге, Лондоне, в 1853 г. в Санкт-Петербурге, в 1857 г. в Париже, в 1859 г. в Москве (на итальянском языке). Таким образом, работа Ф.М. Достоевского над романом «Преступление и наказание» происходила в период, когда эта опера уже была хорошо известна в Европе и в России.

О том, насколько Достоевский в период создания романа дорожил посещением оперных спектаклей, свидетельствуют его строки в письме от 18 февраля 1866 г. к А.Е. Врангелю: «...сидю над работой, как каторжник <...> Всю зиму я ни к кому не ходил, никого и ничего не видал, в театре был только раз на первом представлении “Рогнеды”. И так продолжится до окончания романа –

¹ «Больше всего себя ты мучишь –
Одновременно преступление и наказание!»

**«Риголетто» Дж. Верди и «Преступление и наказание»
Ф.М. Достоевского: гипотеза о возможном источнике заглавия романа**

если не посадят в долговое отделение» [Достоевский, 2019, с. 319]. Уже в период работы над романом Ф.М. Достоевский достаточно хорошо знал оперу Джузеппе Верди «Риголетто», мелодии которой были знакомы петербургским жителям, ведь шарманщики играли их на улицах города. Ярким свидетельством этого является воспоминание его жены, Анны Григорьевны Достоевской, о событиях ноября 1866 г., когда писатель диктовал ей последнюю часть книги:

«Домашний арест» Федора Михайловича продолжался с неделю, и я каждый день приезжала к нему повидаться и подиктовать «Преступление». В одно из этих посещений Федор Михайлович меня очень удивил: в разгар нашей работы раздались звуки шарманки, игравшей из «Риголетто» известную арию «La donna est mobile». Федор Михайлович оставил диктовать, прислушался и вдруг запел эту арию, заменив итальянские слова моим именем-отчеством: «Анна Григорьевна!» Пел он приятным, хотя несколько заглушенным тенором. Кончилась ария, Федор Михайлович подошел к форточке, кинул монетку, и шарманщик тотчас ушел. На мои расспросы Федор Михайлович объяснил мне, что шарманщик, очевидно, приметил, после какой именно пьесы ему бросают деньги, каждый день приходит под окно и играет только эту арию из «Риголетто».

– А я хочу и под этот мотив всегда напеваю твое дорогое имечко! – говорил он.

Я смеялась и притворно обижалась, что такие легкомысленные слова Федор Михайлович применил к моему имени; я уверила, что непостоянства нет в моем характере, и если я его полюбила, то уж полюбила навек.

– Увидим, увидим! – смеялся Федор Михайлович.

Эту арию шарманщика и пение Федора Михайловича я слышала и в следующие два дня и удивлялась верности, с которою он следовал мотиву. Очевидно, у него был хороший музыкальный слух» [Достоевская, 1971, с. 99].

Антитеза преступления и наказания в её аллегорическом выражении была артикулирована Гюго в пьесе «Король забавляется» (1832) как философское выражение идеи неизбежного возмездия и психологического разрушения того, кто пытается присвоить себе право на справедливость. Эта концепция была сохранена либреттистом Пьяве в опере «Риголетто» (1851) и получила ещё более острое художественное воплощение в музыке Верди, соответствующей этой реплике. Творческим принципам Достоевского были созвучны произведения Гюго. Кроме того, писатель не был равнодушен к оперному искусству и обладал достаточным музыкаль-

ным слухом, чтобы петь оперные арии по памяти. Опера «Риголетто» к 1865–1866 гг. была одной из самых популярных в России и в Европе в целом. Мелодии из неё звучали в театрах, в концертных залах, на улицах города. Между пьесой Гюго, оперой Верди и романом Достоевского существует глубокое структурное сходство: в центре каждого произведения находится трагический герой, решившийся на преступление из убеждения в собственном праве совершить справедливость, образ которого контрастирует с образом чистой любви самоотверженной юной «падшей женщины». Параллелизм образной системы (Раскольников – Сонечка; Риголетто – Джильда; Трибуле – Бланш) свидетельствует об общих истоках романтической традиции, критически переосмысливающей индивидуализм и нигилизм в период создания романа. Автор статьи допускает отсутствие какого бы то ни было влияния на выбор Достоевским заглавия романа, а предложенная в данной работе гипотеза, допускающая прямое или опосредованное влияние либретто оперы Верди, не отрицает и не исключает предложенные исследователями альтернативные литературные источники названия (трактат Ч. Беккариа, статью В.П. Попова) [Тихомиров, 2024, с. 51–52]. Однако обращение и к опере Верди позволяет современному читателю объемнее представить образность эпохи. Таким образом, процесс возникновения названия романа целесообразно рассматривать как синтез взаимодействующих влияний в культурной атмосфере 1860-х годов. Данная работа также демонстрирует, что при анализе контекста важно учитывать интермедийные художественные связи, в частности музыкальное наследие эпохи.

Список литературы

Гроссман Л.П. Город и люди «Преступления и наказания» // Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. – Москва : Гослитиздат, 1935. – С. 5–52.

Достоевская А.Г. Воспоминания / вступ. статья, подгот. текста и примеч. С.В. Белова, В.А. Туниманова. – Москва : Художественная литература, 1971. – 494 с.

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем : в 35 т. / сост., подг. текстов, прим. К.А. Баршт и др. – 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург : Наука, 2016. – Т. 6 : Преступление и наказание / [подгот. С.В. Березкина]. – 473, [2] с.

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем : в 35 т. / сост., подг. текстов, прим. К.А. Баршт и др. – 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург : Наука, 2019. – Т. 7 : Преступление и наказание. Рукописные редакции. Наброски, 1864–1867. – 846, [1] с.

**«Риголетто» Дж. Верди и «Преступление и наказание»
Ф.М. Достоевского: гипотеза о возможном источнике заглавия романа**

Назирова Р.Г. Творческие принципы Достоевского. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1982. – 160 с.

Попов В.П. «Преступления и наказания (эскизы из истории уголовного права)» // Время. – 1863. – № 3. – С. 17–53.

Тихомиров Б.Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении : Книга-комментарий. –Изд. 3-е, испр. и доп. – Санкт-Петербург : Серебряный век, 2024. – 576 с.

Handel G.F., Jennens Ch. Saul, an Oratorio; or Sacred Drama. – London : Tho. Wood, 1738. – 24 p.

Hugo V. Le roi s’amuse // Œuvres complètes de Victor Hugo. Drame. – Paris : E. Renduel, 1836. – Т. 5. – Р. 153–190.

Osthoff W. The musical characterization of Gilda = Caratterizzazione musicale del personaggio di Gilda, in *Rigoletto* // Bollettino quadrimestrale dell’Istituto di Studi Verdiani. – 1973. – Vol. 3, N 8. – Р. 1275–1314.

Verdi G., Piave F.M. Rigoletto : melodramma in tre atti. – Milano : Ricordi, 2005. – 262 p.